Существовали, разумеется, и трудности объективного характера, что не могло не отразиться на справочнике. Например, хотелось бы видеть более полное освещение религиозной ситуации в современной Кампучии (на 1980 г.). Но сложность заключается в том, что с 1975 и по 1978 г. миллионы кампучийцев были уничтожены (в том числе и представители духовенства и многие верующие) преступным режимом Пол Пота и Иенг Сари, а традиционная структура кампучийского общества разрушена: буддийская сангха фактически была репрессирована, часть христиан покинула страну, другая погибла, совсем мало сохранилось мусульман и т. д. Ввиду отсутствия статистических сведений более позднего периода автор вынужден был остановиться на характеристике религиозной ситуации в Кампучии до 1975 г. В главе о Вьетнаме анализ религиозной ситуации также осложняется событиями недавнего времени. В течение трех десятилетий (после окончания второй мировой войны) страна была разъединена, народ ее боролся против марионеточных режимов и американских интервентов за свое объединение, а поэтому религиозный состав населения Вьетнама был исследован автором в соответствии с теми возможностями, которые имелись на 1979—1980 гг. (статистические данные, материалы переписей, специальные работы исследователей и др.).

Следует приветствовать появление ценного монографического справочника, характеризующего религиозную ситуацию в современной Юго-Восточной Азии. Он необходим не только специалистам — религиоведам, востоковедам, этнографам, историкам, журналистам-международникам, лекторам-пропагандистам, преподавателям и студентам, но и самым широким кругам читателей, интересующихся современными политическими, экономическими и культурными проблемами стран этого региона, играющими все большую роль в сегодняшних международных отношениях.

Л. Б. Заседателева

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Мифы, предания и легенды острова Пасхи. Перевод с рапануйского и западно-европейских языков. Составление, перевод, предисловие и примечания И. К. Федоровой. Отв. ред. Ю. В. Кнорозов. М.: Наука, 1978. 382 с.*

Книга И. К. Федоровой представляет собой первый опыт научно систематизированного свода фольклорных текстов, записанных на острове Пасхи. Сложность этой работы была обусловлена в первую очередь характером известных текстов: одни из них были записаны на рапануйском языке (в том числе, что особенно важно, самими хранителями фольклорной традиции), другие получены собирателями-европейцами и опубликованы на английском, испанском, французском, немецком языках, с более или менее значительными отклонениями от первоисточника, нередко в литературной обработке или в пересказе. К тому же повествовательные тексты, относящиеся преимущественно к области мифологии и архаической истории, заключают в себе множество неясностей, загадочных мест и нуждаются не просто в переводе, но в истолковании. Наибольшие трудности были связаны, конечно, с переводами непосредственно с рапануйского языка. О них выразительно свидетельствует следующий факт: Тур Хейердал привез в 1956 г. из экспедиции в Восточную Полинезию тетради с записями рапануйского фольклора. И сам Хейердал, и другие ученые считали эти тексты не поддающимися переводу. Они носили фрагментарный характер и часто оказывались неправильно разбитыми на слова. И. К. Федорова, проделав огромную работу по восстановлению первоначального (нормального) вида текстов, смогла их перевести.

Трудности перевода, подчас почти непреодолимые, особенно очевидны, если учесть общее несоответствие рапануйского национального стиля и современного русского, отраженных в языках, представляющих культуры, кардинально различающиеся и по времени, и по содержанию. Переводчики в подобных случаях часто впадают в ошибки, обусловленные ложными исходными постулатами. Одни соблазняются русификацией, выдавая в качестве якобы успешного результата своей работы малоубедительные перифразы и парафразы, где национальный колорит оригинала оказывается парализованным. Другие, боясь диссонанса с современностью, склонны передавать архаичность и экзотику удаленных во времени культур знакомыми читателю архаизмами, библеизмами, славянизмами и т. п. Третьи, наконец, создают так называемые научные переводы, снабжая тексты множеством подстановок, разъяснений, оговорок, скобок и других атрибутов наукообразности.

Всех этих ошибок избежала И. К. Федорова.

Переводы версий мифов и легенд сгруппированы ею таким образом, что вначале приводится рапануйский оригинал (в случаях, когда он доступен), затем следует его перевод и за ним — переводы версий с западноевропейских языков. По сути дела, предлагается перевод-документ, ценный как для широкого круга читателей, так и для специалистов-этнографов и фольклористов.

И. К. Федоровой прекрасно решена задача строго научного филологического исследования текстов. Дословный полный перевод (все слова оригинала имеют точное отра-

* Книга была отмечена премией Президиума АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая за 1981 г.

жение в переводе), по сути, является нормативным и в будущем может послужить солидной основой для переводов с чисто литературными целями. Точность переводов столь высока, что это издание может служить учебным пособием для желающих овладеть рапануйским языком. И. К. Федорова выбрала оптимальный принцип перевода, стремясь сохранять формы, несущие семантические функции, и не копировать буквально все грамматические формы. Отсюда максимальная близость переводов мифов и легенд к оригиналу, к стилю и композиции текстов, к синтаксису. Вынужденная незначительная избыточность русского текста (сравнительно с оригиналом) порождена стремлением к сохранению эквивалентной меры понятийности: некоторые нейтральные элементы рапануйских текстов приобретают экспрессивность при передаче на русский язык, по смыслу добавлены слова, отсутствующие в оригинале.

Особую сложность при переводах обычно представляют национальные формы, завуалированные языковой обусловленностью. Между оригиналом и переводом не может быть полного семантического тождества, поэтому полностью сохранить специфику содержания подлинника, видимо, невозможно. Равным образом невозможно воспроизвести средствами русского языка и форму оригинала. Однако перевод И. К. Федоровой создает у читателя достоверное ощущение иной исторической и национальной среды. Как компонент национального колорита воспринимаются сохраненные имена собственные, географические названия и другие непереводимые лексические элементы. Справедливо И. К. Федорова отказалась от принципа расшифровывающего перевода. Словарь и комментарии сообщают читателю тот минимум знаний, который необходим для прочтения переведенных текстов.

Упреки, которые можно было бы сделать автору, касаются деталей. Иногда создается ощущение, что некоторые лексические соответствия в системе современного русского языка несколько смещают круг ассоциаций, заданных оригиналом. Порою возникает ощущение, что переводчик недостаточно передает связь слова с контекстом, что нарушает ощущение целостности оригинала. Это, вероятно, обусловлено сложностью проникновения в идеи и ситуации, стоящие за текстом. В редких случаях ощущается прямое влияние подлинника — в виде несколько неудачных с точки зрения русского языка конструкций. Представляется, что перевод был бы выразительнее, если бы переводчик более смело и широко использовал идиоматичность русского языка. Хотелось бы видеть в предисловии или в примечаниях характеристику звучания и силы воздействия оригинала, которые неизбежно утрачиваются при передаче на русский язык.

В целом можно констатировать, что задача воссоздания рапануйского оригинала средствами русского языка достойно выполнена. Все переводческие операции — постижение подлинника, интерпретация и перевыражение его сделаны на высоком научном уровне. Фольклорные произведения Пасхи обрели жизнь в русском языке.

Заслуга И. К. Федоровой не только в том, что она заново прочитала рапануйские тексты и результаты этого прочтения предложила нам в виде тщательно выполненных русских переводов, но и в том, что систематизировала она материал в соответствии с современными научными требованиями, найдя каждому тексту свое место в этой сложной системе и одновременно предложив опыт реконструкции рапануйской мифологии в виде сохранившихся текстов, составивших единый свод.

В своде представлены не все известные жанры (за его пределами остались песни и загадки), но зато он с большой полнотой демонстрирует разнообразие повествовательного фольклора рапануйцев, ядро которого составляют мифы и предания.

Собиратели застали рапануйскую мифологию на стадии ее угасания, что было обусловлено драматической судьбой аборигенного населения маленького острова (кстати, об этом в предисловии рассказано с большой выразительностью). Записанные тексты несут на себе отпечаток разных исторических периодов и сдвигов в миропонимании рапануйцев. К тому же европейцы, записавшие и публиковавшие тексты, вольно или невольно вносили в них свое миропонимание, по-своему упорядочивали, либо даже переиначивали их, придавая им несвойственную оригиналу завершенность, связаность и логичность мотивировок. Между тем мифологические тексты в их «естественной форме» характеризуются, как правило, сюжетной и композиционной неупорядоченностью, дискретностью, события и поступки персонажей в них внешне не мотивируются и часто кажутся нелогичными. Эти «натуральные» качества мифов очень определенно обнаруживаются при сопоставлении записей на рапануйском языке с записями иноязычными. Первые одновременно и полнее, яснее последних и загадочнее их; содержательность подлинных текстов обнаруживает особенную глубину, наличие подтекста, связь с другими элементами мифологической системы.

Понять рапануйские тексты, каждый в отдельности и в их совокупности, И. К. Федорова стремилась путем сопоставления их с данными полинезийской мифологии. Последовательный и тщательный сравнительный анализ позволил ей представить рапануйский материал в виде органической, хотя и своеобразной, части мифологии полинезийского мира. II раздел книги посвящен мифам первотворения и приключениям богов, входивших в главный пантеон (И. К. Федорова находит им убедительные аналогии в полинезийском пантеоне). Среди них особенный интерес вызывают рассказы о Макемаке, верховном боге рапануйцев, и его антиподе Уоке, «боге-разрушителе». Очень интересны, хотя и гипотетичны, соображения И. К. Федоровой о связи рапануйского Ура, «культурного героя, чудака и озорника», со знаменитым общеполинезийским мифологическим персонажем Мауи.

К числу классических циклов полинезийской мифологии относятся мифы этиологического содержания, составляющие раздел V книги (во вступительной статье он ошибочно назван IV, с. 24). Особенность такого рода историй заключена в том, что возникновение вещей, подчас жизненно необходимых, оказывается в мифах более или менее

случайным, непроизвольным следствием событий, столкновений, целой серии эпизодов, которые сами по себе загадочны и для мифологии представляют особенный интерес. Жаль, что в статье и комментариях к соответствующим текстам на эту сторону мифов с этиологическими развязками обращено мало внимания.

Центральную часть книги составляют «исторические предания» об открытии и заселении острова и о многочисленных войнах, которые И. К. Федорова с большим искусством распределила на три основных группы — согласно трем периодам истории острова. Вполне справедливо в книге эти предания рассматриваются в общей системе мифологических рассказов и представлений. Перед нами — органическое и нерасчленимое единство. Издавна исследователи пытаются извлечь из рассказов, отмеченных более или менее устойчивой повторяемостью мотивов и трактовок, реально-исторический субстрат, проследить, опираясь на них, маршруты древних мореплавателей, установить исходные пункты путешествий, наметить этапы миграций и т. д. Отдает дань этой научной традиции и И. К. Федорова. Нисколько не отрицая правомерности такого подхода и воздавая должное тщательности и остроумию, с какими ведутся подобные исследования, скажем все-таки, что ни при каких условиях нельзя упускать из виду собственно мифологической природы рассказов о первых путешественниках, о заселении островов, учитывая при этом формообразующую способность всякой мифологии и свойственные ей законы сюжетосложения. Так, например, сталкиваясь с повторяющимся указанием на приход легендарного Хоту Матуа и его спутников с запада (или реже, с востока), мы не можем забывать о том, какую значимую роль в определении направлений странствий первопредков и первопоселенцев играли представления о земле умерших, с которыми связаны древнейшие пространственные ориентировки.

Интереснейшие предания о войнах и постоянных столкновениях обитателей острова, неизменно объединяющие реальный исторический опыт с мифологическим комплексом, в рецензируемой книге не только тщательно систематизированы и обстоятельно прокомментированы, но и объяснены в широком историческом плане. И что еще существенно — предания эти сами служат ценнейшим материалом для воссоздания отдельных загадочных эпизодов рапануйской истории и труднообъяснимых фактов местной этнографии; таковы в особенности легенды о скульптурных изображениях акуаку — духов рапануйцев.

Книга И. К. Федоровой, основанная на самостоятельной проработке огромного и сложного материала и на критическом освоении накопленного наукой опыта, справедливо отмечена академической премией имени Н. Н. Миклухо-Маклая.

М. Ф. Альбедиль, Б. Н. Путилов